

Звали его Васян. Для хороших знакомых — Васёк. А как еще прикажете звать матерого пятикилограммового кота бурой масти? С драным ухом и наглухими зелеными глазами?

Нет, он, конечно, отзывался и на Ваську, и на Василия, и на Васисуалия (гадость какая!). И даже на примитивное «кис-кис»! Почему же не отозваться, если колбаски предлагают? Но в глубине своей кошачьей природы ощущал себя только Васяном. Или Васьком — в самые приятные моменты.

Жил Васян в своем доме. Люди, в нем квартировавшие, считали, что дом принадлежит им. Но кого интересует человеческое мнение? И дом, и люди на самом деле были его, Васяниным, имуществом.

Дом был хорош. Печка теплая, огорода 10 соток и соседи отличные. Не соседи, а мечта! Слева за забором — рыжий Тимоха. С ним всегда можно повить тет-а-тет и выяснить, кто на улице главный. И пусть ухо так и не заросло — Тимофей в их исторической драке вообще глаза лишился! Отодрали Васька за тот бой

нещадно! Еще бы: шума было — на два квартала, полночи ор стоял. Да и «хозяева» Тимохи утром с жалобами прискакали, своего инвалида Васяниным людям полюбоваться принесли! Васёк и любовался. Его за шкирку держат, тапком по заду наярывают, Васян воеет, а сам на соперника поглядывает. Хвостом по бокам хлещет: не дожدهшься! Битый буду, а тебя не забуду. Если что, еще не так врежу!

С тех пор Тимоха старался к Ваську подбитым глазом поворачиваться. Мол, я тебя не вижу и проблем у меня с тобой нет! А Васяну того только и надо было. Статус показал, лишнего кавалера отвадил — Мотька теперь вся его!

Мотька (по паспорту — Матильда) жила справа. И была она потрясающе красивой дамой: пушистая, трехцветная, вальяжная! То, что происхождение у нее в прямом смысле помойное, значения не имело. А имело значение, что сумела Мотя в жизни хорошо устроиться. Людей завела с двухэтажным особнячком и крутым джипом. Питалась только фирменными кормами, носила шикарный ошейник и чувствовала себя королевой. Но против Васяна устоять не могла. То ли гены простонародные играли, то ли разодранное в драке за ее сердце ухо стало решающей гирькой на чаше весов? Но факт оставался фактом! Дважды в год Мотины люди с руганью прибегали к Васяниным квартирантам и требовали пристроить разноцветное шебутное потомство своей богини. Васян после этого выслушивал очередное нравовучение и, задрвав хвост, выходил во двор. Он гордо дефилировал вдоль Тимофеева забора. Потом жильцы двух домов садились за свои компьютеры и выкладывали в таинственный интернет фотографии симпатичных мохнатых малышей. Котята через пару месяцев разъезжались по новым домам. А Васян опять начинал подлезать под соседские ворота и ночевать на подоконнике Матильды. Он надеялся, что ее люди снова по недосмотру пошире откроют окно.

Да, хорошая была жизнь!

Коты — интересные существа. Они прекрасно понимают человеческую речь. Но, когда им это выгодно, делают вид, что смысл слов их маленьким мозгам абсолютно недоступен. Они приучают людей делать то, что им, котам, нужно или просто нравится.

Интуиция любого кота даст сто очков вперед человеческому «шестому чувству». Это помогает кошачьему племени тонко и незаметно подстраивать реальность под себя. Однако иногда случается такое, что даже коты не могут изменить или скорректировать ход событий...

Васян давно понял: дело неладно. Слишком часто в беседах «его» людей стали проскакивать тревожные интонации. Слишком громко и агрессивно говорил ящик, именуемый «телевизором». Хуже стала еда и осторожнее — мыши. А потом пришла гроза.

Гром гремел непрерывно, всю ночь. Люди легли спать на полу — такого раньше никогда не бывало. Женщина подозвала Ваську, обняла его и подгрела под свой теплый бок. Иногда она прижимала его так, что становилось больно. Но кот терпел и не вырывался. Ему впервые стало страшно...

Наутро небо над домом было голубое и чистое. Никаких луж от грозы на снегу не наблюдалось. Васян потряс головой: какие лужи, зима на дворе! Тогда откуда гроза? И гром вроде еще погромыхивает время от времени?! За этими раздумьями он чуть не пропустил самое главное: соседи справа в спешке кидали чемоданы и баулы в недра своей здоровенной машины. На заборе (на его заборе!) сидел Тимофей. Вытянув шею, он во весь один свой глаз наблюдал за происходящим. Рядом с машиной стояла клетка. (Да, люди называли ее «переноской», но на самом деле это была самая настоящая клетка. Для приятных дел в «переноску» никогда не сажали — только к ветеринару или на другую квартиру ехать. Ну что тут может быть хорошего?)

В клетке-«переноске» горько плакала Мотя. Она жаловалась на тесноту, на то, что не спала всю ночь, а еще — что ее забыли покормить. Просила, чтобы ее выпустили. Люди не обращали на Матильдино мяуканье никакого внимания. Ни Мотькины, ни его собственные. Они тоже стояли у забора и молча смотрели на то, как исчезают в джипе вещи. Что не поместилось, прикрутили на крышу. Хозяин джипа подошел к ограде со своей стороны.

— Уезжаете, Николаич? — грустно спросил Васянин человек.

— Да, Сергей. К брату в Черкассы. Вы б тоже к родичам перебирались. Ты ж видишь, что творится? Не сегодня-завтра накроет...

— Некуда нам ехать. Наши все здесь. А там... Кто нас ждет, кому мы нужны? Тут — дом, работа. Вон и Васёк тоже остается. Да, Вась?

Васян муркнул и потерялся о ноги Сергея — обозначил территорию. «Куда уходить? Тут все — мое!»

— Ну, смотри. Держитесь! А туго будет — давай ко мне! Чем смогу — помогу всегда.

— Посмотрим. Счастливой дороги, Николаич!

— Какое уж тут счастье, если война...

Николаич развернулся и медленно, словно нехотя, пошел к машине. Оглянулся. Помахал рукой. Передал клетку с Мотькой женщине на заднее сидение. Сел. Захлопнул дверцу. И черный джип увез Матильду в неизвестные Ваську Черкасы...

Так началась для Васяна война.

Это время запомнилось ему плохо. Жизнь пошла странная. Какие-то урывки потом всплывали в мохнатой Васяниной голове.

Непонятный и неприятный визг над крышей... Гром, гремящий почти непрерывно, не умолкая, сутками... Женщина, съездившаяся у печки и читающая молитву. Матерящийся мужчина. Трепещущий язычок свечи — электричества почему-то не было. Ведро снега на припечке — воды в кране почему-то не было тоже...

Когда острые куски молний стали залетать в огород и кожить крышу, Васян не выдержал. Он, наверное, сошел с ума, а как иначе объяснишь, что убежал из своего дома? Убежал, несмотря на то что люди его звали? Звали сквозь гром и сверкание странной грозы. Но Васян чувствовал: слишком горячи и опасны были осколки молний, сыпавшиеся с неба. И не помня себя кинулся через окно.

Пожалуй, мир встал с ног на голову... Васёк свободно проскочил в проем рамы, а не шмякнулся со всей дури о прозрачное стекло. Может, и стекла уже не было? Васян не думал об этом. Он в тот момент вообще ни о чем не думал. Своим кошачьим чутьем — тем самым, что обеспечивает его племени целых девять жизней, — он отыскал почти забытый лаз в заброшенный соседский погреб. Васёк не бывал там с тех пор, как из долговязого подростка

превратился в солидного кота и в норе, ведущей в подвал, стали застревать усы. Как он ввинтился в полуосыпавшуюся дыру на этот раз, только Бог знает. Он, на самом деле, покровительствует не только дуракам и пьяным. Котам, поверьте, чудеса отпускаются без очереди.

В погребке было абсолютно темно. Грохот стал немного приглушеннее, и Васёк, чуть успокоившись, расслышал рядом неровное дыхание. «Неужто крыса? — обрадованно подумал он. — Вот удача! От этих переживаний есть хочется зверски!» Но это была не крыса. В ухо ткнулся сухой нос, раздалось тихое хриплое «мяу». Запах был знаком, шерсть на загривке встопорчилась: в подвале прятался старый соперник Тимоха! Еще одно хриплое «мяу!» ... Тимофей (вот удивительно!) потерял о Васька боком и еле слышно замурчал...

Гроза сверху не стихала, есть хотелось по-прежнему, крыс в давно опустевшем погребке не предвиделось. Васян вздохнул, зевнул и свернулся клубочком возле Тимохи...

Сколько прошло времени, коты не знали. Пили воду из лужицы, натекшей в углу. Вылизывали грязные шкурки. Спали, греясь друг о друга. Просыпались и слушали грозу. Голод через некоторое время прошел, но в желудках все еще противно ныло. А однажды они проснулись — и не услышали ставшего таким привычным грома.

— Мур? — спросил Тимоха.

— Мя! — твердо ответил Васян.

Вылезать было трудно, в лаз набилось мерзлых комьев. Васян, копавший первым, порезал лапу о какую-то острую железку с рваными краями. Спасибо Тимохе: он закончил дело, пока Васёк оказывал себе помощь, зализывая ранку. Снаружи творилось странное. Дом было не узнать. Где привычная, милая кошачьему сердцу крыша? Одни сломанные балки и стропила торчат. Рам нет — пустые проемы. В огороде — стая кротов-гигантов копалась! Да еще и здоровенная корявая труба посередине грядки воткнута. У Мотькиного дома половина второго этажа куда-то делась — дыра. А в дыру стену с картиной видно. Стена закопченная. Картина порвана, висит криво. И это у Матильды, у которой порядок в доме всегда идеальным был!

Дома, где жил Тимофей, вообще не было. Куча кирпичей и на ней, сверху, стиральная машинка. И асфальта не было. Ни тротуаров, ни дороги. Сплошное месиво из земли, кусков шифера и битого стекла. Посередине этого безобразия стояли его, Васянины, люди. Женщина вытирала слезы, а мужчина курил, нервно затягиваясь. Потом отбросил сигарету и обнял подругу за плечи.

— Ну что ты! Смотри — стены есть, стропила есть. И мы, самое главное, живы! Говорят, в пострадавшие дома пластиковые окна вставлять будут. Так что восстановим все, не плачь! Нам вообще, можно сказать, крупно повезло!

Он обернулся к груде строительного мусора, который был до грозы домом Тимохи, и почему-то надолго закрыл глаза.

— Серёжа, смотри! Васёк наш явился!

— Ты гляди, и Тимофей с ним рядом! И даже морды друг другу не бьют! — удивился Васянин человек.

— Где там силы морды бить?! Худющие, просто ребра торчат.

— Зато живые. Тимоха, видать, в кошачьей рубашке родился. Да... Кот — вот он. А хозяев уже нет... Где жить будешь, бродяга? К нам пойдешь? Правда, в доме пока неудобно...

Человек внимательно смотрел на одноглазого кота. Васян сначала возмутился: как так, не на него смотрят! В его, Васянин, личный дом приживалу приглашают, да через его голову! Безобразие какое! Произвол! Берегите тапки, все припомню! А потом припомнил. Гром над головой, тихое хриплое «мяу!» в темноте, лаз, который Тимофею пришлось раскапывать самому. Подумал о том, что тапок в доме, наверное, просто не осталось. Посмотрел на развалины за остатками забора. И стал вылизывать Тимке шею...

...В общем, жить вдвоем оказалось гораздо веселее. Особенно с теплыми пластиковыми окнами, когда их наконец-то поставили. И только одно заставляло Васяна грустить по старой жизни: Мотька в Дебальцево так и не вернулась.

Как и ее хозяйева...